

СБОРНИК РАССКАЗОВ

СОЛНЕЧНЫЙ МАЯК

*Даже в самом густом тумане
живет тёплый путеводный свет*

Издательство «Lunalitera»

**Сборник рассказов
«Солнечный маяк»**

«Автор»

2025

«Lunalitera» И.

Сборник рассказов «Солнечный маяк» / И. «Lunalitera» —
«Автор», 2025

В этой книге собраны истории, где свет и тень переплетаются, как в самой жизни. Здесь есть место и фантазии, и реальности, и лёгкой иронии, и тихой грусти. Четыре современных автора приглашают вас в мир размышлений и чувств — от лёгкого удивления до глубокого откровения. Как обрести смелость и поверить в себя? Возможно ли невозможное? Почему иногда так трудно простить себя? И правда ли, что смокинг может изменить рабочий день? Эти и другие вопросы звучат между строк, оставляя пространство для личных ответов.

© «Lunalitera» И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Виталий Логвин	5
Соло для скрипки без оркестра	5
Торкнуло	9
Адажио	14
Даниил Бобков	18
Цветок своей сказки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Издательство "Lunalitera"

Сборник рассказов "Солнечный маяк"

Виталий Логвин

Соло для скрипки без оркестра

Сумерки медленно опускались на город. Ещё немного, и на тёмном небосклоне засияет первая рождественская звезда. Я гулял по центру, наслаждаясь лёгким снежком и запахом свежей выпечки, который исходил из уютных кафешек, зазывающих прохожих яркими вывесками.

Спускаясь в подземный переход, чтобы добраться до нужной маршрутки, я услышал звуки скрипки. Мелодия проходила сквозь меня, словно тонкая нить через ушко иголки, вытаскивая на свет то, что я так отчаянно пытался забыть.

В надежде сбросить наваждение, я остановился и несколько раз тряхнул головой. Но скрипка невидимой стрелой рвалась в моё сердце, разрывая ткань тишины. Эта парочка – скрипка и её мелодия – постепенно вытащила-таки на свет мою боль, всю ту боль, которую я старательно пытался похоронить в самых тёмных уголках души.

Пять лет назад грязными сапожищами собственного безрассудства я втоптал совесть в дальние коридоры внутреннего мира и повесил на дверь амбарный замок, чтобы никогда больше не вспоминать о ней. Но сейчас, под эти чарующие звуки, замок начал медленно открываться. И все, казалось бы, давно забытые, чувства и мысли набросились на меня призраками из прошлого.

Видит бог, я хотел всё забыть. Забыть так, чтобы даже сны не напоминали о дне, разделившем мою жизнь на до и после. И думал, что мне это удалось.

Удивительно, но именно сейчас я почувствовал, что пришло время осознать тот свой ничтожный поступок и принять за него ответственность.

А музыкант всё играл, и голос скрипки таинственным шёпотом продолжал исповедовать меня, обнажая давно измученную душу. И каждая нота мелодии доставляла невыносимую боль.

...Это случилось ровно пять лет назад, в канун Рождества. Дочке исполнился год, она только-только начала делать первые шаги. Мы с Ниной жили вместе почти три года. О расписи не думали, нам было хорошо и без лишних условностей.

Это сейчас у меня в пакете коньяк и закуска. И некуда спешить. А тогда, вот так же под вечер, я носился по городу, выискивая подарки для своих любимых девочек. Нине я купил тогда золотые серёжки, а малышке – симпатичного, похожего на неё медвежонка. И так же спустился в подземный переход.

Звучала скрипка. Под магнитофонную оркестровку седовласый музыкант играл что-то заводное. Музыка лилась, брала в плен, возбуждала. Люди вокруг улыбались, кто-то подпевал и даже пританцовывал. В воздухе витало праздничное настроение, и я ощущал себя частью этого предрождественского волшебства.

– Серёжа! – услышал я знакомый до боли голос. Его узнал бы из сотен. А может, и тысяч иных.

Я обернулся.

– Вероника!..

И, сойдясь, мы, словно околдованные, стояли друг против друга молча, может, минуту, а может, и больше. Даже бурный людской поток постоянно толкающихся людей не мог нарушить нашу спонтанную, почти уже забытую химию.

Вероника – бывшая одноклассница. Я был влюблён в неё с того момента, как она пришла в нашу школу в девятом классе. Вскоре мы стали встречаться, точнее – после выпускного бала. Встречались года два и даже стали говорить о свадьбе.

Надо сказать, что интимных отношений у нас не было. Родители Вероники очень серьёзно относились к этой теме. Но вскоре подписали на работе какой-то контракт и вместе с дочерью уехали в одну из африканских стран. И произошло всё так быстро, что мы с Вероникой не успели толком ни поговорить, ни попрощаться.

Я долго не мог её забыть. Она приходила ко мне во снах – нежным призраком, парящим в сумраке ночи. И даже днём, стоило на минуту остаться наедине с самим собой. Её образ был настолько реален, что я чувствовал её прикосновения, слышал голос и видел глаза, полные загадочной тоски. Словно она хотела что-то досказать в тишине ночи, когда город засыпал, а мир вокруг погружался в безмолвие.

И вот встреча.

– Идём ко мне. Я тут рядом живу, – произнесла вдруг Вероника и, взяв меня за руку, увлекла за собой.

А я как замороженный послушным ягнёнком пошёл за ней, не проронив ни слова...

...И три месяца беспробудной любви. Я напрочь забыл о существовании и Нины, и Катюши. Трубку по совету Вероники я отключил в тот же вечер. Да и некогда мне было думать о них. Вероника была из богатой семьи, мы колесили по клубам, ресторанам, модным заведениям. Я чувствовал себя счастливым человеком, ведь наконец обладал женщиной, которую любил и хотел со школьной скамьи. Мечта сбылась.

Через три месяца буря в глазах Вероники утихла. Ей нужна была свежая кровь, нужны были новые страсти. И она их быстро нашла. Максим, аспирант, тоже из обеспеченной семьи. Поначалу она делала вид, что заехала к родителям и там заночевала. Но потом я увидел их вместе. И, всё поняв, ушёл.

Вот тогда во мне стала просыпаться совесть. Жуткая душевная боль не проходила несколько месяцев. И, не придумав ничего лучше, я начал пить.

Как живут Нина и Катюша, я не интересовался. Не боялся увидеть их случайно в городе. Боялся увидеть глаза Нины, понимая, что этот гнусный поступок она мне не простит.

Все эти пять лет я жил один. Работа, дом были всей моей жизнью.

Но вот сегодня эта скрипка всколыхнула нутро. Она, словно напалм, выжигала грязь и мерзость из моего сердца. Каждая нота проникала прямо в душу, вытаскивая на поверхность всё, что я пытался в ней скрыть.

Скрипка играла о потерях, о боли, о тех моментах, когда кажется, что жизнь потеряла смысл. Она пела о любви, о надежде, о том, что даже в самые тёмные времена можно найти свет, – особенно, если это канун Рождества. Музыка лилась как река, унося с собой все страхи и сомнения. А пожилой музыкант извлекал смычком из инструмента божью искру. И если голос скрипки когда-то дал мне возможность умереть, то эта искра поможет возродиться. Так, во всяком случае, я думал.

И почувствовал, что это не просто музыка, а нечто большее – мост между прошлым и будущим, между жизнью и смертью. Такое не опишешь словами, но это состояние знакомо каждому, кто когда-либо чувствовал боль или радость, любовь или утрату.

Однако я прошёл мимо музыканта. А музыка вдруг оборвалась.

– Молодой человек, помогите чем можете, – окликнул меня скрипач.

Я остановился. Посмотрел на него, потом в лежащий рядом со стариком открытый скрипичный футляр, куда, по идее, должны бы бросать деньги прохожие. Там было пусто. Достав портмоне, увидел последние пятьсот рублей. До зарплаты ещё три дня жить. Но я без промедления взял купюры и положил её в футляр.

– Идите домой. Вас ждут... жена и дочь. Давно ждут... Идите же, – с улыбкой произнёс скрипач.

Я поднял глаза и, толком не осознавая глубины этих слов, внимательно посмотрел на музыканта. Седой интеллигентный старичок с добродушными глазами. Он кивнул, я ответил тем же. И пошёл на выход из перехода.

Потом остановился. Пелена окончательно спала с глаз, и мне захотелось вернуться и спросить этого человека, откуда он знает о моей дочери и о жене.

Вернулся. Но там уже никого не было. Чуть поодаль женщина торговала рождественскими открытками. Я подошёл к ней.

– Вечер добрый, не подскажете, куда пошёл скрипач, который сейчас здесь играл?

Она посмотрела на меня изумлёнными глазами.

– Здесь давно никто не играет.

– Как не играет? Только что вот здесь пожилой седовласый мужчина играл на скрипке.

– Молодой человек. Здесь никого не было. Музыканты сюда уже лет пять не ходят, с тех пор как какие-то молодчики убили скрипача. Собственно, как раз в канун Рождества это и случилось...

– Как убили?

– Да вот так. Пришли трое пьяных, забрали его выручку, он стал сопротивляться, а ему сзади и саданули кирпичом по голове.

– Пожилой, в коричневом плаще?

– Да, Андреем Ивановичем звали, профессор консерватории. Сократили его на службе. Вот он и приходил сюда подрабатывать. Пенсии не хватало, да и болел он.

– Но я же его видел пару минут назад, даже разговаривал с ним!

– Вот как... Знаете, мы стали замечать... да и вы уже не первый, кто так говорит. Года три-четыре такое происходит, в канун Рождества, в день смерти Андрея Ивановича. Говорят, что приходит дух убиенного скрипача и играет здесь в этот день, но видеть его может только человек, остро нуждающийся в помощи. Тот, кто потерялся в жизни. А может, это и сам святой апостол Андрей приходит?... – предположила торговка.

– Ну, так уж и апостол, – усмехнулся я. – Спасибо вам, я, пожалуй, пойду.

Попрощавшись с продавщицей, я пошёл на остановку. В ушах всё ещё звучала мелодия скрипки без оркестра, и я чувствовал, как она отзывается в сердце.

Что же со мной происходит? Видение? Глюки? Я достал из кармана портмоне, открыл. Пусто. Я знал точно, что там было пятьсот рублей, последние пятьсот рублей до зарплаты.

«Иди домой, тебя ждут жена и дочь», – всплыла фраза, сказанная музыкантом. Постояв на остановке минут десять, я всё же решился пойти к Нине и поговорить. Слова скрипача всё более и более проникали в сознание, в каждую клеточку организма. Я понимал, что если не сделаю этого сейчас, то не сделаю уже никогда.

Было совсем темно. Посыпал мокрый снег. Я пришёл во двор, где стояла та самая, бывшая наша девятиэтажка. Всё вокруг как-то постарело, пришло в упадок. Качели проржавели. На деревянных скамейках краска облупилась. Единственное, в чём был плюс, так это хорошее освещение двора. На площадке ещё бегали детишки, ловили снежинки. А чуть поодаль стояли мамашки и о чём-то мило беседовали.

– Катя! – закричала вдруг одна из них.

Я обернулся.

Чей-то огромный джип сдавал назад, паркуясь к самой стенке сооружения, которое было в центре двора. Между стенкой и авто стояла перепуганная девчушка.

В мгновение ока я оказался возле малышки, схватил в охапку и, сбив с ног, вместе с ней упал на снег. Доли секунды, я мог бы не успеть. Но мамыши закричали, и водитель джипа затормозил, когда бампер машины почти упёрся в стену.

– Ну что, Катюша, идём домой, – отряхивая грязь и снег с пальтишка девочки, сказал я. – Тебя сейчас нельзя одну оставлять. Показывай дорогу.

Девчушка вцепилась мне в руку и повела к подъезду. Мамы, которые смотрели за детьми, пытались меня остановить, но, увидев, как ребёнок уверенно и безбоязненно ведёт меня домой, успокоились.

Когда мы зашли в знакомый подъезд, сердце сжалось до боли, а на том самом этаже сумасшедшее волнение нахлынуло ещё больше.

– Катюша, а что же мама тебя одну оставила?

– Нет, не одну. Там мамы моих подружек, они как-то договариваются и присматривают за нами по очереди.

– А папа?

– Папу я не помню. Мама сказала, что он космонавт и сейчас где-то на Луне.

– Ну, так бывает у взрослых, малышка, бывает... – Комок в горле еле дал мне договорить.

Но когда Катюша подошла к двери той самой квартиры, меня прошиб горячий пот. Я понял, что Катя – моя дочь.

Дверь резко распахнулась, и на пороге возникла Нина. Не глядя на меня, она подхватила Катюшу и прижала к груди.

– Доченька, ну разве так можно? Девочки уже позвонили, всё рассказали, у меня сердце чуть не остановилось.

– Мама, этот дядя меня спас, – ответила Катюша, сияя от счастья.

Наши с Ниной взгляды встретились, и на мгновение воцарилась тишина.

– Ну да, космонавт с Луны вернулся... – шутливо произнесла Нина, но голос её был полон нежности.

Катюша вырвалась из материнских объятий и бросилась ко мне. Она обхватила меня руками за ноги и закричала:

– Па-а-па!..

На глаза навернулись слёзы, а из глубин души в сознание произвольно ворвалась фраза: «Не знаю, кто ты, глюк ли, видение или дух? В любом случае спасибо тебе, скрипач...»

Торкнуло

В завещании был указан дом в населённом пункте Торкнуло, и чуть ниже была приписка: «В дом можно войти только в полночь, в первый день новолуния».

Закончив читать, я вопросительно посмотрел на нотариуса – пожилого человека, который сидел напротив меня.

– Сергей Петрович, это как понимать?

Нотариус пожал плечами, улыбнулся.

– Сидор Аристархович, ваш дед был незаурядным человеком. Мастер своего дела. К нему до последних дней приезжали со всей страны за советом. Таких кожевников днём с огнём не сыщешь. Ваш отец не перенял его дело и пошёл другой дорогой. Жаль, рано они с вашей матерью ушли из жизни. Знаю, вы решили возродить кожевенное производство, это похвально. Вы мало общались с дедом, знаю, всему виной ссора вашего отца с ним. Но отца нет уже почти десять лет, могли бы с дедом наладить отношения, – неторопливо говорил Сергей Петрович. – Вам бы не мешало туда съездить. Найдёте много полезного для себя. Не знаю, говорил вам Терентий Поликарпович или нет, последние пять лет он там не жил. Как мне представляется, дом заброшенный, и хорошо, если его ещё не разграбили.

– А где же он жил тогда? – спросил я в замешательстве.

– У Марины Сергеевны. Это по той же дороге, в десяти километрах от Торкнуло. Они давно знакомы были, а вот под старость лет решили сойтись. Вспомнить молодость.

– Сергей Петрович, может, тогда объясните, при чём тут полночь, первый день новолуния?

– Дело в том, что Марина Сергеевна плотно занималась оккультизмом, проводила различные мистические опыты, разговаривала с дубовой рощей, с рекой, разгоняла тучи, могла создавать фриков. Ну и приобщила вашего деда к миру невидимому. Занималась она очень серьёзно, к ней со всей округи шли люди со своими проблемами. Так что не премините исполнить написанное в завещании, дабы чего не вышло.

– Даже так? Хорошо. А завещание он давно составил?

– За два дня до смерти.

– Сергей Петрович, мне пора. Надо посчитать, посмотреть календарь, когда у нас новолуние, когда можно посетить дом.

– Через два дня, в эту пятницу, – спокойно проговорил нотариус.

– Ещё раз спасибо. До свидания.

Я вышел из нотариальной конторы, сел в машину и поехал домой. В голове крутился разговор с нотариусом. Надо же, Сергей Петрович знает о моём дедке больше, чем я. Впрочем, отец поссорился с дедом, когда я ещё был маленький. Мы если и навещали его, то очень редко – пару раз в год, и то на час-другой. Самой ссоры я не помню и мотивов её не знаю. Когда спрашивал отца, он предпочитал отнекиваться. А когда мне стукнуло двадцать, мать с отцом погибли в автокатастрофе. С того момента я быстро повзрослел, женился. У нас с Ариной родился сын, Арсений. Я решил заняться кожевенным делом. Вот уже пятый год шью куртки, сумки, обувь, и дело потихоньку двигается в гору. Хочу открыть небольшой магазинчик. Слова отца хорошо запомнил, он говорил: «Образование, сын, у тебя может быть каким угодно, но иногда жизнь складывается так, что оно не поможет тебе заработать на кусок хлеба. А вот если владеешь ремеслом, оно прокормит тебя и твою семью даже в самые тяжёлые годы».

На улице стал накрапывать дождик, я включил дворники.

Да, название места интересное – Торкнуло. Никогда не задумывался над этим. Надо будет порыться в интернете, что это и с чем его едят.

Прошло два дня. Пятница, вечер. Мы с Ариной уложили Арсения спать и перед моим отъездом решили выпить кофейку.

– Сид, ты как доберёшься, позвони. Как-то беспокойно на душе.

Друзья ещё со школьной скамьи называли меня Сид, с тех пор так и приклеилось. Дома, на работе – везде Сид. Да и мне так больше нравилось.

– Не волнуйся, конечно, позвоню.

– Это далеко от города?

– Я смотрел по навигатору, где-то около часа езды. Но я выеду пораньше, там дорога – грунтовка, быстро не поедешь.

– Родной, смотри аккуратнее там.

Я посмотрел на часы – половина одиннадцатого.

– Милая, мне пора.

Я подошёл к Арине, обнял её, поцеловал.

Накинув ветровку, выскочил из квартиры, сел в авто и направился в загадочное местечко, где меня ждал завещанный домик.

Сентябрь выдался тёплым и сухим, правда, немного ветреным. Довольно быстро я выехал из города, трасса была практически пуста, только изредка попадались встречные машины. А вот и поворот на Торкнуло, по грунтовке почти двадцать пять километров. Дорога шла через лес. Безоблачное звёздное небо делало путешествие не таким мрачным.

Спустя сорок пять минут я добрался до деревни. Удивительно, но даже ночью я заметил чистоту и порядок. Ухоженные дома. Это так бросалось в глаза, будто я попал в другое государство. Дом деда оказался на самом краю деревни. Я остановился, посмотрел на часы – без пятнадцати двенадцать. У меня ещё есть время в запасе, пройдусь вдоль забора и осмотрюсь.

Шатровая крыша двухэтажного сруба грациозно подымалась в небо, составляя конкуренцию соснам и дубам, которые росли сразу за забором, где брал начало лес. Было так тихо, что казалось, в этой деревне никто не живёт. Только ветер тихонько шелестел ещё не опавшей листвой.

– О, время, – проговорил я вслух и двинулся к калитке дома.

Нотариус Сергей Петрович оставил мне все ключи. Потому я быстро отворил калитку, по тропинке прошёл к крыльцу, поднялся по ступенькам к двери.

Я потянул за ручку, дверь открылась. Странно. Посветил фонариком внутрь. Тихо. Никого. Вошёл в прихожую. Деревянный пол предательски скрипел при каждом шаге.

И вдруг – резкий удар по голове чем-то увесистым и тяжёлым, я потерял сознание.

Очнулся уже утром, когда первый солнечный луч проник в дом через окно и ослепил меня. Я приподнялся. Голова гудела. Пришлось пойти к машине, порыскать в аптечке, найти болеутоляющий порошок. Посмотрел в зеркало на рану. Кровь запеклась. Обрабатывать не стал, неудобно самому. Вернулся в дом. Там всё было перевернуто и разбросано по полу. Взломщики что-то искали. А вот нашли или нет – загадка.

Чуть поодаль в глубине комнаты стояло громадное в человеческий рост зеркало. Я подошёл и провёл по нему рукой, оставив след на пыльной поверхности.

Присмотревшись, не увидел себя в зеркальной глади этой громадины. Я взял с пола, первую попавшуюся под руку тряпку и протёр пыль. Передо мной в отражении стоял дед и улыбался.

– Здравствуй, внучок, – тягучим басом поздоровался Терентий Поликарпович.

Видимо, меня хорошо пришибло вчера ночью. Говорящее зеркало – это уже слишком.

– Сид, эти парни вернутся. И есть у меня предчувствие, что вернутся они не только за моим дневником, но и за тобой, – продолжил дед, не обращая внимания на моё замешательство.

– Да, говорил мне Сергей Петрович, что приобщили тебя к делам потусторонним. Но не думал, что до такой степени, – придя в себя, проговорил я.

– Сид, глаза протри и слушай внимательно. Я не знаю, кто эти ребята и кто их послал. Им нужен дневник, в котором собран весь мой опыт обработки кожи, причём не только мой, но и моего отца и деда. Так что там клондайк. Ты можешь вырасти в серьёзного конкурента для них, обладая этими знаниями.

– Что же мне делать?

– Не перебивай! Дневник на втором этаже под шестой доской, она самая широкая на полу. Там же свёрнутая в рулон вывеска. Вот настоящая ценность, реликвия. Откроешь магазин, повесишь её, такой точно ни у кого нет. Главное – никто не повторит. А теперь быстро на второй этаж, забирай эти вещи и сматывайся отсюда! Они уже едут. Тут есть другая дорога, за домом. Она немного петляет, но выходит тоже на трассу. Не заблудишься. Главное, ты с ними не пересечёшься. Прощай. Ой, чуть не забыл, полицию вызови сразу на этот адрес, только скажи, что ты сосед. Мол, хозяина нет, а посторонние люди в доме.

Образ деда в зеркале исчез. На его месте появился я, самый обычный и настоящий. Побежал в машину, взял молоток, отвёртку и влетел на второй этаж. Чтобы отковырять доску, пришлось попотеть. Достал дневник и свёрнутую в рулон вывеску, замотанную в бумагу. Быстро спустился, рванул к авто и поехал по указанной дедом дороге.

Еду и размышляю, а не сошёл ли я с ума... но вот же они, дневник и вывеска! Оп, полицию надо ведь вызвать. Набрал. Вызвал.

– Алло, шеф, это Родик. Здесь уже кто-то побывал, на втором этаже взломан пол. Там, скорее всего, и было то, за чем мы приходили.

– Понятно. Это наследник Сидор Аристархович. Выбора он не оставил. Езжайте к нему домой, прессуйте, что хотите делайте. Дневник должен быть у меня. Адрес я сейчас скину в СМС.

– Принято. Едем.

Я приехал домой. Арины с Арсением там не было. Суббота всё-таки, наверное, гуляют. Толстенный дедов дневник я положил на диван и решил посмотреть вывеску. Разорвал бумагу, на полу начал разматывать сделанную из натуральной кожи вывеску, на ней была надпись: «Старый жёлудь». Ничего себе. Вот это работа. Со слов деда, этой вывеске более трёхсот лет. А как сохранилась! И выглядит прилично. Я встал с пола, присел на диван, открыл дневник. Бегло полистал – круто, вещь!

Вспомнил, что хотел узнать, откуда такое название деревни – Торкнуло. Открыл ноутбук. С удивлением обнаружил, что происхождение деревни под названием Торкнуло относилось к тринадцатому веку. В переводе со старого языка суоми это слово обозначает «старый жёлудь». Но финнов здесь никогда не было. Загадочное словечко занёс сюда кто-то из купцов, который любил путешествовать, да так и прижилось.

Торкнуло находится в дубовой роще, только многовековые сосны иногда вмешиваются в этот живописный ландшафт.

Отвлёк звонок телефона.

– День добрый, вы Сидор Аристархович?

– Да.

– Это полиция. Вам надо подъехать, чтобы мы составили протокол. Ждём вас.

Я даже не стал ничего убирать, так всё и оставил. Накинул куртку, подошёл к двери.

Звонок в дверь.

О, думаю, мои пришли.

Открываю и сразу получаю удар в челюсть, падаю. В квартиру ворвались двое неизвестных мне людей.

– Сидор, нам нужен дневник твоего деда, – грозно пробурчал лысый бородатый мужик.
– А вот, на диване, нашёл! – крикнул второй пришелец, уже рыскающий по комнатам. – Тут ещё вывеска офигительная! Думаю, шефу понравится.

– Парни, вы кто такие? – спросил я.

– Это неважно, – огрызнулся бородатый и врезал мне ещё раз в челюсть.

В голове крутились мысли. Пытался анализировать. Кто знал о смерти деда? Неужели... а больше некому, Сергей Петрович. Вот же сволочь! А я-то думаю, что это он такой любезный и обходительный со мной был.

– Шеф, а что с этим уродом делать? Он же нас видел и сдаст ведь, – бурчал в трубку всё тот же бородатый.

– Мочите и сваливайте оттуда. Не забудьте то, за чем пришли!

– Ок. Веня, скручивай этот «пергамент», бери дневник и уходим, а я пока с Сидором разделаюсь.

– Сейчас всё сделаю, – ответил Веня.

В эти секунды, может даже доли секунд, в голове промелькнула тысяча и одна мысль и столько же вопросов. А как же моя семья? Арина и Арсений? Как они без меня жить будут? Грёбаное наследство! Этот душка нотариус.

– Эй, Сидор, вставай, пойдём в ванную, там тебя кончу. Что зря квартиру кровью пачкать, – двинув мне ногой, пробурчал бородатый.

Я еле встал. Челюсть болела, голова трещала ещё с ночи. Поплёлся к ванной.

Вдруг хлопок, входная дверь отлетела в сторону, в квартиру ворвался ОМОН.

Я сидел на диване, приложив к челюсти лёд из холодильника, завёрнутый в тряпку. Омонцы увели пришельцев. Ко мне подошёл уже немолодой человек в штатском.

– Полковник Емельяненко. Вам, молодой человек, очень повезло.

Не успел полковник договорить, как на пороге показался Сергей Петрович. Я вскочил с дивана, забыв про боль, и к нему.

– Это благодаря Сергею Петровичу вы живы, Сидор Аристархович, – остановил мой гневный порыв Емельяненко.

– Как? Я думал, что это дело ваших рук, Сергей Петрович.

Нотариус улыбнулся.

– Сидор Аристархович, полковник Емельяненко Андрей Захарович мой давний друг. Сразу после того как я вам зачитал завещание, позвонил ему и попросил последить за вами. Но это всё мелочи жизни. Мне надо вам рассказать самое главное.

Сергей Петрович усадил меня на диван, сам сел рядом. Пристально посмотрел в глаза.

– У вашей жены Арины около полугода назад появился любовник Максим. Он сын крупного кожевенного магната. Максим знал о существовании дневника и ради него и познакомился с Ариной. Она влюбилась в него... Понятно, все тайны вашей семьи стали известны Максиму. Он сейчас арестован, хитрецу будет предъявлено обвинение в организации покушения на вас. Его телефон, как и его подельников, прослушивался и разговоры записывались. Арину по моей просьбе Андрей Захарович не трогал, её использовали втёмную. Показания, конечно, она все даст. Ну а то, что касается ваших семейных отношений, Сидор Аристархович, я вам тут не советчик. Решать вам двоим. Арину с Арсением скоро привезут, – закончил свою речь Сергей Петрович.

Голова сразу прошла, во всяком случае, боли я не чувствовал. Арина предала. Так низко меня ещё никто не опускал. Арина, как ты могла? Арина... Я же тебя люблю! Или любил... Нет, люблю! Или... не знаю. Кошмар. Всё рухнуло. Земля из-под ног ушла.

Полковник попросил зайти к нему, когда немного очухаюсь. Сергей Петрович похлопал меня по плечу и, попрощавшись, удалился. Остался я в квартире один. Скоро должны были

приехать Арина с сыном. Стал ждать. С каждой секундой, с каждым вздохом нарастала душевная боль, я даже стал ощущать её физически.

Как она будет смотреть мне в глаза? Как?!

Дверь чуть скрипнула, открылась. Приехали. Арсений тут же подбежал ко мне и обнял. Арина вошла в комнату, я обнимал сына и на жену внимания не обращал. Делал вид, будто её нет. Я чувствовал взгляд супруги на себе, но не реагировал на него. В этот момент не знал, что делать и как поступить правильно. Если развод, то сына буду видеть только по праздникам. Оставить всё как есть и притвориться, будто ничего не было, не получится. Сам себя не обманешь. Неужели она ничего не скажет?

Арина вышла из спальни с чемоданом. Я мельком бросил на неё взгляд так, чтобы она не видела. Красивая чертовка.

– Арсений, идём мой мальчик. – Жена подошла, взяла сына за руку и направилась к двери. – Прощай, Сид.

Дверь захлопнулась. Вот это и всё, что супруга хотела мне сказать? Столько злости накопело, а выплеснуть не успел. Всё так быстро произошло. Голова опять стала трещать.

В квартире воцарилась полная тишина. Пустота внутри меня. Ощущение, что я потерял некий дар, который был предназначен Богом только для меня. Потерял жену и сына. Я ими жил. Встал с дивана, прошёл на кухню, достал из шкафчика начатый коньяк, взял бокал. Налил до краёв. Залпом выпил. Жить не хотелось. Квартира была на девятом этаже. Я вышел на балкон. Мягкая осенняя погода и лёгкий ветерок пытались успокоить меня, остановить. Но я уже всё решил. Неожиданно кто-то тронул за плечо, я оглянулся, передо мной стоял Ангел.

– Сид, ты решил прыгнуть и покончить с жизнью? Из-за того, что тебя жена предала? А ты помнишь, сколько раз Родину предавали? А она всё жива.

– Я не Родина, – на автомате ответил я, не совсем осознавая, что происходит.

– Ты её частичка, – смахнув с белоснежного крыла вековую пыль, произнёс Ангел и растворился во мраке дня.

– Молодой человек, очнитесь, вы живы? – услышал я голос над собой.

Открыл глаза. Бросил взгляд по сторонам. Деревянный пол, я у деда в доме. Надо мной стоял пожилой человек.

– Ну наконец-то, очнулись! Скорую и полицию я уже вызвал. Да, хорошенько вам приложили. Я тут по соседству живу. Вышел на двор, смотрю, у вас в доме двери нараспашку, калитка открыта. Понимаю, что-то не так. Прислушался – тихо. Вот и зашёл в дом без приглашения, смотрю, вы лежите на полу с головой пробитой. Прильнул к груди, дышите. Знать, живой парень. У нас тут часто залётные бомжи гастролируют. Ищут, где что не так лежит. А тут, видно, прознали, что дом пустует, вот и зашли. А вы, наверное, внук Терентия? Помню, видел вас, когда вы деда навещали лет семь назад. У вас телефон разрывался, жена, наверное, беспокоится. Вы бы перезвонили.

Голова шумела, как прибором во время шторма. Но сумасшедшая радость вдруг охватила всего меня, до последней клеточки организма. Моя семья со мной.

Я поблагодарил соседа. Он ушёл к себе. В доме всё было перевернуто. Окинул взглядом комнату, в углу заметил зеркало. И вот тут меня осенила шальная мысль. Я рванул на второй этаж, прихватив с собой инструмент из машины. Шестая доска, взломал...

Обёрнутый бумагой дневник и свёрнутая в рулон кожаная вывеска, я тут же начал её разматывать. Надпись гласила: «Кожевенная мануфактура “Старый жёлудь”».

Адажио

Дом на берегу реки – на уютной опушке среди могучих дубов, сосен и платанов – был больше похож на вымысел, нежели на реальность. Ну и правда, сами посудите: деревянный двухэтажный сруб стоял метрах в тридцати от берега. Белый песок отделял ступеньки дома от реки, а сзади, прямо за окнами, росли вековые платаны. Ни единой души не было видно на многие мили вокруг, и лишь лёгкий ветерок нарушал тишину этого волшебного уголка природы.

Начало ноября выдалось прохладным, почти каждый день шёл дождь.

Мы сидели с внуком возле камина, дрова тихонько потрескивали, тепло заполняло пространство гостиной. Мы пили ароматный чай, заваренный на травах, которые я собрал в окрестностях ещё прошлым летом.

– Дед, неужели в этих травах столько силы, как об этом трубят у нас на рынке?

– Адажио, в этих травах заключена радость весны, сила солнца, буйный аромат цветов, целебные свойства растений. Нужно лишь суметь прислушаться к природе, и она сама накормит и исцелит. Тем более здесь, у подножия Альп.

Я достал из коробки сигару, подошёл к столу, где стояла гильотинка, обрезал кончик и вернулся к камину. Достал горящее полено, которое подбросили пару минут назад, и оно уже успело разгореться, и прикурил. К аромату трав, блуждающих вокруг нас, прибавился запах кубинской сигары. Получился этакий амбре фьюжн.

– Дед, я немного тебя подостаю, не против?

– Адажио, у нас так редко бывают минуты, когда мы свободны, так что давай. Тем более ты вечером опять улетаешь в Мадрид на конкурс, а я завтра лечу в Лондон на сейшн. Неизвестно, когда мы увидимся в следующий раз, – с грустью произнёс я, усаживаясь в любимое кресло.

– Когда я пишу музыку, вспоминаю людей, которые так много говорят о Родине. Ты жил в разных уголках земли. Скажи, что в твоём понимании любовь к Родине, патриотизм? Я, когда до конца не понимаю что-то, не осознаю сути, у меня не получается воспроизвести задуманное в звуках, перевести в ноты, – выказал свою озабоченность внук, расстёгивая верхнюю пуговицу на рубашке.

Я понял: сигарой тут не обойтись. Встал с кресла, достал бутылку рома, кстати тоже кубинского, из серванта, стоящего у стены напротив камина, плеснул янтарного напитка себе в стакан и вместе с бутылкой вернулся на место. Глотнув ром и затянувшись сигарой, я, как опытный афисонадо, эффектно выпустил несколько колец сладковатого дыма.

– Понимаешь, Адажио, я жил там, где позволяли мне средства. А тогда их у меня не было. Я рыскал по всему свету, искал, кому можно втюхать свой «талант». Поэтому принимал предложения от различных клубов, иногда работал просто за гроши, за еду. Саксофон и мою манеру игры не везде воспринимали.

– Дед, перебью. Я же другой вопрос задал.

– Это увертюра. У меня нет Родины, я так тогда думал. Вернее, каждая полуподвальная каморка, которую я снимал, и была для меня Родиной. Ведь именно там, когда я приходил на ночлег, рождались первые мои композиции. Когда мы познакомились с твоей бабушкой, я жил в предместье Парижа. И мне там нравилось, но до поры. Лет через пять я почувствовал дискомфорт, чувство тревоги накатило на нас лавиной, и мы покинул тот рай, который стал для нас адом. Но пять лет эта каморка приходилась нам с Люсьен Родиной. И мы её любили.

– А что случилось? Что, вот так резко всё изменилось?

– В послевоенный Париж хлынуло несметное количество музыкантов, которые, как и я, пытались хоть немного заработать. Нет, я не испугался конкуренции, тут совсем другое. Я боялся за Люсьен, грабёж, убийства, изнасилования – мрачные времена настали.

В горле чуть пересохло, я плеснул в стакан ещё немного рома и выпил залпом.

– Но вернёмся к твоему вопросу. Мне коллеги говорили: «Всё это чушь! Испытывая великую любовь к Родине, ты можешь погибнуть вместе с ней. Нет, не физически, духовно. А ещё ты отнимешь будущее у своих детей, привязывая их к родным пепелищам и к отеческим гробам».

За окном сверкнула молния, грянул гром, на мгновение гостиная озарилась призрачным светом.

– «Выбор между ветхой землёй твоего рождения-проживания, ставшей землёй смерти, и между новой родной землёй, где ты и твои дети смогут жить, делаешь только ты. Да, ты родился здесь, но ты музыкант, у музыканта нет Родины. Ты не принадлежишь самому себе, своему выбору», – говорили они.

– Так что же делать? – спросил Адажио, заёрзав в кресле.

– Я спустя годы встречал этих парней, здесь, в Италии. Завидев меня, они отводили взгляд, опускали голову и проходили мимо, делая вид, что мы не знакомы. Бросаться такими словами могут только юнцы, и я не про возраст. Когда молод, наверное, всегда так думаешь. Слава, деньги и всё такое. – Я встал, подошёл к камину, подбросил поленьев в огонь. – После долгих странствий по свету мы с твоей бабушкой вернулись в отчий дом. Ты не можешь себе представить, какое это непередаваемое чувство – ступить на нашу пристань, вдохнуть полной грудью свежий речной воздух и наконец излить душу в громогласном крике: «Я дома!»

Дрова в камине продолжали потрескивать, за окном пошёл дождь.

– Родина как возлюбленная, чей аромат проникает в самые сокровенные уголки души, оставляя неизгладимый след в сердце. В её нежных объятиях мы обретаем покой и вдохновение, она пробуждает в нас отвагу и жажду творчества.

Дождь усилился, он всё яростнее тарабанил в окна. Я не мог сидеть на месте и решил покормить рыбок в аквариуме. Мне так легче вести разговор. Как бы между прочим продолжил начатую мысль:

– Родина – это сокровенная часть нас самих, наша душа пульсирует в унисон с её биением. Знаешь, это важно вовремя понять, а не возвращаться в родные края, когда пора уже на тот свет.

– Дед, а что ты думаешь о смерти? – выпалил Адажио, не давая мне даже перевести дух.

– Ничего себе у тебя вопросы! Ну и тему ты затронул! С чего бы это?

– Я тут одну пьесу начал писать, «Путешествие в небытие», хочется более скрупулёзно разобраться в нюансах.

– Да ты, как и твой отец, опережаешь своих сверстников в развитии. Ну, хорошо, слушай. Мы все ужасно боимся смерти. В том числе те, кто громче всех заявляет, что её нет. Мы пытаемся заменить этот страх самыми разнообразными выдумками, предположениями и рассуждениями. И как можно крепче забыть о реальности. – Я постучал пальцами по стеклу аквариума, рыбки засуетились, я насыпал сухого корма в специальный прямоугольник из пенопласта. – Поэтому появились различные религии, верования. Мы стараемся воспринять веру как абсолютное знание, чтобы не чувствовать дышащую нам в лицо Бездну Небытия. А вера – это танец на канате, натянутом над пропастью Тьмы полного неведения, это бег по воде. В любых других случаях вера – это бред психически больного человека. Думаю, хватит, а то запутаешься.

– Дед, а ты философ!

– Посмотрю на тебя, когда тебе будет как мне.

– А когда ты повзрослел? Когда ты сам стал выбирать, что тебе делать, как жить? – произнёс Адажио, составив мне компанию у аквариума.

– Мои родители ушли в мир иной очень рано, мне четырнадцать только-только стукнуло. Вот, наверное, с той поры на кусок хлеба я зарабатывал себе сам. То в подмастерьях, то в грузчиках. А как-то, добравшись до Вены, увидел на площади музыканта, который играл на трубе. Я присоединился к кучке зевак, которые стояли подле него.

Я любя потрепал внука за кучеряшки, и мы вернулись на свои места.

– Ничего подобного я не испытывал ранее, мой внутренний мир перевернулся. Тогда же себе и сказал, что стану музыкантом. Когда Энди, так звали трубача, закончил играть, я тут же свистом воспроизвёл его мелодию. Он увидел меня, подмигнул и забрал с собой. Больше я не испытывал нужды в еде. Он научил всему.

Я налил в стакан ещё рома. Капли дождя, настукивая в окна, предлагали обратить внимание на свои ритмы и звучание. Адажио сидел в своём кресле, держа в руках давно пустую чайную чашку, и жадно пожирал меня глазами, будто видит первый раз. Наверное, это моя ошибка, я с внуком действительно никогда ещё о таких серьёзных вещах не разговаривал. И я продолжил:

– Энди к тому времени стал уже известным музыкантом, а на площадь вышел по привычке. Он считал, что простые люди, неспособные заплатить большие деньги за его концерты, тоже должны слышать хорошую музыку. Почти десять лет мы разъезжали вместе. Однажды, на гастролях по Америке, он схватил воспаление лёгких, и спасти его не удалось. И мне пришлось становиться взрослым и делать выбор самому. Ведь все эти десять лет я сидел на шее у Энди.

Я встал с кресла и предложил внуку пройти на террасу. Одевшись потеплее, прихватив с собой сигару и ром, мы вышли на свежий воздух. Дождь продолжал настукивать, только теперь по крыше террасы, а над рекой начал стелиться густой туман.

– Твои родители погибли в автокатастрофе, когда тебе исполнилось два года. Твой отец Федерико к твоему рождению написал композицию «Адажио» и сказал мне: «Мы исполним её, когда сыну стукнет восемнадцать лет». Федерико не дожил до этого дня. Я думаю, что мы её исполним и запишем с тобой вдвоём.

– Папа слыл хорошим музыкантом? Ты никогда не давал мне слушать его записи. Почему?

– Прости, Адажио, я боялся, вдруг боль утраты не покинет меня никогда. Он был настоящим джазменом, его контрабас неповторим.

Я плеснул себе в стакан ещё рома, выпил залпом. Закурил сигару.

– Послушай, внук, мы с тобой о таком сокровенном разговариваем, что мне не совсем это нравится. Ты вот что лучше скажи: у тебя есть девушка?

– Дед, ну так и знал, что этим закончится. Да, её зовут Беатриче, – покраснев и чуть смутившись, ответил Адажио.

– Она прекрасна?

– Она королева. У неё большие карие глаза, длинные вьющиеся волосы, немного пухленькие губы... Дед, всё, давай не будем.

– О, Адажио, я тебя понимаю.

– Дед, она играет на трубе, но мечтает о саксофоне. Ты дашь ей пару уроков?

– Труба, саксофон! Адажио, я уже люблю свою невестку.

– Дед, мы с ней ещё об этом не разговаривали.

– Я знаю, о чём говорю, внук. Видишь, впереди река. Прислушайся, слышишь – тарелочки: тс-с, тс-с, тс-с. Вступают клавиши, нехотя, легко, протяжно, откуда-то издалека, они несут всю силу реки, её мощь, но пока только поверхностно, тонко.

– Да, да, только не в си бемоле, а фа диэзе, так будет лучше, – встрял Адажио. Он провёл рукой по волосам, которые мягкими прядями спадали на его лицо, скрывая пронизательные глаза.

– Отлично, согласен. Подхватывает ритм ненавязчивый контрабас: бум-бум-бум. И в этот момент вступает саксофон. Из глубины, из недр самой реки, доносятся протяжные звуки. Они ещё не окрепли, но уже просят выпустить их на волю. Ритм тот же, спокойный и хладнокровный, но тарелочки звучат уже громче, клавиши становятся насыщенней, мелодия акцентируется, саксофон вырывается наружу и сливается с туманом в единое целое...

– Антонио, иди в дом, холодно уже, простынешь, – подкравшись ко мне незаметно и обняв за плечи, произнесла Люсьен. – Адажио с нами нет уже пять лет, а ты всё разговариваешь с ним, будто он рядом.

Её слова меня встряхнули, вернули в реальность. Мы зашли в гостиную, над камином висело в чёрной рамке фото Адажио. Он погиб в авиакатастрофе пять лет назад, когда летел в Мадрид на конкурс пианистов, в свой восемнадцатый день рождения.

Я присел в кресло возле камина, Люсьен села рядом. Её глаза всегда меня успокаивали, в них есть нечто необъяснимое. Дрова в камине продолжали потрескивать, исходящее тепло дарило уют.

Люсьен собиралась долить мне в кружку чай, но вдруг мы услышали звук мотора автомобиля. Да, это авто, хлопнула дверца, через несколько секунд послышались шаги на террасе. В дверь постучались.

– Открыто, входите! – крикнула Люсьен.

Я немного насторожился.

Дверь скрипнула, и в дом вошла молодая девушка, за её руку держался малыш.

– Проходите, присаживайтесь, молодые люди, – произнёс с волнением я.

Люсьен помогла раздеться девушке и малышу. Они присели возле камина на диване.

– Слушаем вас, синьора, – начал разговор я.

– Бонжорно! Вы, вероятно, синьор Антонио Пиронни?

– Да, так и есть.

– Меня зову...

– Простите, перебыю, вы Беатриче!

– Да, а как вы...

– Не утруждайте себя, девушка, Адажио очень много рассказывал о вас.

– Понимаете, мы с Адажио собирались лететь в тот день вместе на конкурс. Но такси, в котором я ехала в аэропорт, попало в аварию. Меня госпитализировали, потом отец отправил меня на реабилитацию в Америку. Там, собственно, я и прожила почти пять лет. Вот только сегодня утром я прилетела домой и решила не откладывать на завтра визит к вам.

Беатриче сделала глоток чая, посмотрела на нас с Люсьен такими пытливыми глазами, что по моему телу прошла дрожь. Она прекрасна, просто королева.

Во мне что-то начинало закипать, откуда-то из глубины, я точно не мог себя контролировать, поддался течению.

– Синьор Антонио, синьора Люсьен, я хотела вам представить этого малыша, – торжественно заявила Беатриче. – Адажио Пиронни.

Моё сердце дрогнуло, застучало, словно исполняя аллегро.

– Повторите, что вы сказали? – произнёс я, находясь в состоянии помешательства.

– Адажио, куда ты запропастился? Иди к нам, – проговорила Беатриче.

Но малыш подошёл к пианино и открыл крышку.

Вступили клавиши, нехотя, легко, будто издали...

Даниил Бобков

Цветок своей сказки

Роза устало потёрла глаза. День, проведённый за компьютером, не прошёл бесследно. Бессмысленные отчёты, переписка с клиентами, обучение младших коллег... Роза уже и забыла, когда пришла в компанию, но точно знала, что здесь ей не нравилось.

– Ты мой цветочек, – приговаривала бабушка, расчёсывая маленькой Розе густые чёрные кудри. – Ты будешь самой счастливой и проживёшь долгую, интересную жизнь!

Куда это делось?

По меркам коллег, девушка была успешной: дорогая машина, квартира в центре города, практически выплаченная ипотека... Стажёры хотели быть как она, а более опытные работники завидовали той лёгкости, с которой она справлялась с каждой задачей. Но сама Роза двигалась по накатанной и не получала радости от всех тех благ, которыми засыпала её фирма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.